

УДК 94:003.081.3(=512.154)

ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДЛЯ СЛУЖБЫ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

О.Л. Сумарокова

Анализируются научные предпосылки становления, а также характер и особенности функционирования в Российской империи конца XIX – начала XX вв. специальных учебных заведений для подготовки военных специалистов со знанием языков Среднеазиатского региона.

Ключевые слова: Туркестанский край; Российская империя; военные переводчики; центральноазиатские языки; языковые курсы; офицерская школа; лингвокультурная подготовка.

LANGUAGE TRAINING OF MILITARY SPECIALISTS IN THE RUSSIAN EMPIRE FOR SERVICES IN TURKESTAN AT THE END OF 19 – THE BEGINNING OF 20 CENTURIES

O.L. Sumarokova

It examines the scientific preconditions of formation and peculiarities of functioning in Russian Empire special schools for the training of military specialists with the knowledge of languages of the Central Asian region at the end of 19 – the beginning of 20 centuries.

Key words: Turkestan; Russian Empire; military translators; Central Asian languages; language courses; officer school; linguocultural preparation.

Принципиальный интерес российских исследователей XIX в. к языкам коренных народов Туркестанского края изначально был обусловлен преимущественно военно-административным фактором. С течением времени внешнеполитическая конъюнктура внесла существенные коррективы в вопросы языковой политики Российской империи в Средней Азии, возложив на азиатские языки наряду с русским задачу политического, экономического и культурного сближения двух цивилизаций.

Впервые об этом заговорил в 1818 г. президент Императорской Академии наук, попечитель Петербургского учебного округа С.С. Уваров в своем выступлении в честь открытия в Педагогическом институте кафедр восточных языков и истории. Считая Восток “колыбелью цивилизации”, а восточные языки – “великим орудием”, он призывал империю к использованию последних в решении внешнеполитических проблем. “Вообще языки суть памятники времен, предшествовавших истории, – утверждал Уваров. – Узнать язык народа, значит, узнать весь ход его образования” [1, с. 4].

Хрестоматийной в востоковедении стала речь О.М. Ковалевского, крупнейшего востоковеда

первой половины XIX в., произнесенная на торжественном собрании императорского Казанского университета 8 августа 1837 г. “Чтобы поддержать сношения с Азией, – говорил он, – чтобы внедриться в ее дух, обнять все ее частности и представить в связи с историей рода человеческого, необходимо знание азиатских языков, как важнейшее средство достигнуть предположенной цели, как самая лучшая гимнастика для развития наших собственных способностей” [2, с. 32].

Находясь с момента своего возникновения в сфере интересов дипломатических, торговых и научных ведомств, азиатский языковой вопрос, тем не менее, долгое время оставался на периферии государственных интересов, отдаваясь на откуп отдельных просветителей. Между тем, в Европе необходимость обучения востоковедов для административной и коммерческой деятельности на Востоке давно была осознана. Так в Берлине для развития торговых отношения Германии с Востоком в 1887 г. была открыта школа переводчиков “Seminär für Orientalische Sprachen”. Подобные учреждения существовали и в других странах: в Неаполе – “Regio instituto orientale”, в Париже – “Ecole

special des langue orientales vivantes”, в Вене – “Oeffentliche Lehranstalt für orientalische Sprachen”. Все они преследовали как практические, так и теоретические цели.

Острая нехватка лиц, знакомых с местными языками, нравами и обычаями, а также естественноисторическими и торгово-промышленными условиями в среднеазиатском регионе стала ощущаться в связи с учреждением 11 июля 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства. Военный востоковед и историк М. Терентьев в предисловии к своему лингвистическому труду “Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская” (1875 г.) писал следующее: “Россия заключает в себе до 8000000 людей, говорящих наречиями тюркского и персидского корня. Большею частью своих границ Россия соприкасается к странам, где господствуют восточные языки... Все это, казалось бы, должно было поставить восточные языки на степень необходимых в числе предметов, преподаваемых в наших школах, а между тем это не так... Вина тут здесь взгляд, разделяемый, к сожалению, весьма многими. “На что нам восточные языки, – говорят они, – мы и без них справимся с соседями, а в случае нужды министерство иностранных дел даст нам сколько угодно переводчиков” [3, с. 1–2].

Однако в прессе все чаще появлялись заметки о недобросовестных толмачах-самоучках и различного рода казусах, вызванных неверным переводом. “Судьи, не понимая туземного языка, – говорилось в одной из статей еженедельного издания “Восточное обозрение”, – не имели другого исхода, как во всем положиться на неучей-переводчиков, которые не видя никакого контроля, предоставленные самим себе, действовали по собственному усмотрению, причем имели в виду только свою личную пользу...” [4, с. 5].

Первым российским учебным заведением, предпринявшим подготовку военных специалистов всех родов войск для работы с языками народов Средней Азии, стали *пробные офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД* (Санкт-Петербург).

В 1881 г. лейб-гвардии Московского полка прапорщик Гольцгауэр обратился к управляющему учебным отделением восточных языков при министерстве иностранных дел тайному советнику М.А. Гамазову с просьбой принять его вольнослушателем, однако получил отказ. Позже он убедил Гамазова обратиться в военное министерство с ходатайством об учреждении для офицеров курсов восточных языков при учебном отделении МИД. Задуманному было суждено осуществиться 1 сентября 1883 г.

Число желающих поступить на открывающиеся курсы было чрезвычайно велико. К 1 ноября

1883 г. от одного только петербургского округа на 5 мест претендовало 50 офицеров. 7 ноября 1883 г. был утвержден список восьми наиболее достойных кандидатов, а 19 ноября, после молебствия в помещении учебного отделения, на курсах начались лекции [5].

Через полтора года, 11 февраля 1885 г., Военным Министром было подписано Положение о курсе восточных языков, учрежденном для офицеров при Учебном отделении восточных языков (УОВЯ) Азиатского департамента Министерства иностранных дел “с целью приготовления молодых людей к драгоманской службе при Императорских миссиях и Консульствах на Востоке” [6]. УОВЯ получило статус высшего учебного заведения и осуществляло языковую подготовку выпускников университетов, лицеев и гимназий для последующей государственной службы – преимущественно на Кавказе и в азиатских военных округах. Расположилось отделение в доме № 20 по улице Большая Морская (Санкт-Петербург).

Ко вступительным экзаменам допускались офицеры, “окончившие курс военных училищ и других высших учебных заведений, ... всех родов оружия, до чина Поручика Гвардии и Штабс-Капитана армии включительно, если до того прослужили в строю, в офицерском звании, не менее трех лет” [7].

Предварялись вступительные экзамены в Санкт-Петербурге отборочными испытаниями на местах при окружных штабах. Офицеры, успешно их выдержавшие, направлялись в Санкт-Петербург, где сдавали следующие экзамены: 1) География Азии и Европейской Турции; 2) Военная топография и ситуационное черчение; 3) Русский язык и 4) Французский язык [8].

Обучение на отделении было рассчитано на три года, в течение которых офицеры в обязательном порядке изучали 5 языков – арабский, турецкий, персидский, татарский и французский, а также мусульманское право. Значительно позже, в 1907 г., в программу вошел итальянский и английский языки, международное право и нумизматика [9].

Особое внимание уделялось лингвокультурной составляющей обучения. Вот что об этом писал выдающийся военный географ и востоковед А.Е. Снезарев: “...Востоковед должен подойти к народу вплотную, должен овладеть его орудием мысли и общения, т. е. изучить язык. Каков этот язык? Не прежний вылощенный язык, отлитый в чудных классических формах, а язык пестрый, несовершенный, часто скорее говор, но зато язык живой живого народа. Это не говорит о том, что в основах при теоретическом изучении языка не будет лежать какой-нибудь классический язык, в качестве которого изучается,

например, арабский для стран Ближнего Востока, но конечной целью останется живой язык народа. Сама проблема изучения языка будет ныне очень сложной. Востоковед не может ограничиться умением читать книги или газеты на данном языке, что создавало бы риск его оторванности от народной массы, но он не может и ограничиться одним умением поболтать с человеком на его родном языке, так как могло бы оторвать его от книги или документа, т. е. от источника более глубокого изучения страны и народа. Все это говорит о том, что изучение языка должно носить в себе зародыши как возможности живой общительности с народными массами, так и возможность изучать страну по всем другим областям языкового применения; или, иначе: изучение языка, нося строго практический характер, не должно быть лишено достаточно глубокого теоретического базиса” [10].

В соответствии с “Положением о курсе восточных языков” офицеры, прошедшие обучение, назначались на службу в управление Кавказского или одного из Азиатских военных округов, где должны были прослужить четыре с половиной года – по полтора года за каждый год учебы. Недостатком такого подхода, по отзывам современников, являлось то, что офицеры-востоковеды со специальным высшим лингвистическо-дипломатическим образованием нередко должны были выполнять обязанности, к которым они были не подготовлены, в результате чего забывались приобретенные ими с большим трудом знания. Кроме того, существовали некоторые недостатки в учебных программах курсов, не предусматривавших подготовку к административной службе. Согласно приведенным Снесаревым данным о служебной деятельности выпускников УОВЯ в период с 1886 по 1907 гг., из 66 офицеров-выпускников по военному ведомству осталось служить 58, и из них только 43 занимали такие места, на которых они могли применить приобретенные ими специальные познания [5].

В 1910 г. офицерский курс при УОВЯ, подготовивший за 27 лет своего существования около 130 офицеров, применявших свои знания восточных языков в преподавательской, переводческой, научной и административной деятельности, был упразднен на основании выводов, сделанных специально созданной в 1907 г. при Генеральном управлении Генерального штаба комиссией по изучению процесса овладения восточными языками [11]. По мнению членов комиссии во главе с А.З. Мышлаевским, командиром 2-го Кавказского корпуса, глубокое и всестороннее знание восточного языка можно было приобрести и на практике.

Тем не менее, следует отметить уникальность УОВЯ, заключавшуюся в эффективной языковой подготовке переводчиков-практиков. Исследователи

полагают, что во многом это объяснялось уникальным подбором профессорско-преподавательского состава, сочетавшего в себе традиции европейской науки и культуры с глубоким знанием Востока. В разное время в УОВЯ работали такие профессора, как Барон Демезон, Мирза Казем-Бек Абединов, Мирза Джафар Топчибашев, Селим Нофаль, Жан Франсуа Деманж, Франсуа-Бернар Шармуа, Дестунис, Отец Яред Герасим и др. [12]. Это позволило курсам выполнить свое государственное предназначение – подготовить немало успешных ориенталистов и практиков на азиатской ниве.

Системная подготовка кадров военных востоковедов для Центральноазиатского региона велась также в *Ташкентской офицерской школе восточных языков*¹, деятельность которой изначально была связана с обучением офицеров языку урду. В 1897 г. в отчете командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенантом А.Б. Вревским было запрошено разрешение в курс офицерской школы ввести персидский и сартовский языки [13]. Ответ был положительным, однако средства на реализацию проекта не поступили. Задуманному суждено было осуществиться в 1899 г. Изучение упомянутых языков стало обязательным для штатных слушателей курсов хиндустани второго года обучения [14].

Со временем в программу офицерской школы были введены персидский, афганский и китайский языки, с 1906 г. – мусульманское право, с 1910 г. – история и военная статистика Средней Азии и сопредельных стран, топография и курс разведки.

10 марта 1906 г. И.Д. Ягелло, на тот момент – заведующий Ташкентскими курсами, подал ходатайство об объединении Петербургских курсов восточных языков при МИДе с Ташкентскими: “Петербургские курсы должны были бы удовлетворять исключительно государственные цели, а Ташкентские – местные. В этом случае Ташкентские курсы следовало бы освободить от лишнего балласта в виде индустанского и английского языков, которые в крае не приложимы и нужны только с государственной целью. Преподавание их в таком случае можно было бы ввести на Петербургских курсах” [15].

Однако проект слияния УОВЯ и Ташкентской школы в целом не получил одобрения.

Согласно Приказу от 2 сентября 1911 г., школа осуществила переход к годичному теоретическому курсу, после которого предусматривался экзамен

¹ В официальной переписке “Ташкентская офицерская школа восточных языков” именовалась “Курсами хиндустани и местных языков”. В 1909 г. школа была переименована в “Подготовительную школу для изучения офицерами восточных языков при штабе Туркестанского военного округа”.

и два года практики либо в стране изучаемого языка, либо в пределах округа. Офицеру, успешно сдавшему выпускной экзамен, присваивалось звание офицера-переводчика [16]. С началом Первой мировой войны курсы фактически прекратили свое существование.

К работе в Ташкентской офицерской школе восточных языков привлекались не только офицеры, но и гражданские специалисты – преимущественно ученые-востоковеды, работавшие в администрации Туркестанского генерал-губернаторства. Имена многих из них в начале XX в. приобрели широкую известность в военной среде и в мире дипломатии. За первые 13 лет существования офицерских курсов восточных языков в Ташкенте его выпускниками и преподавателями было издано 16 работ, среди которых – учебники, словари, монографии. Огромное число лингвистических трудов по итогам стажировок, военно-географических миссий и статистических отчетов публиковались на страницах изданий военного ведомства, Российской Императорской Академии наук, других научных и ведомственных изданий.

Серьезная языковая и лингвокультурная подготовка военных востоковедов с середины XIX в. стала одним из важных направлений в профессиональном образовании сотрудников дипломатического ведомства Российского государства, а также фактором, обусловившим не только решение сложных задач внутренней и внешней политики России, но и всплеск всестороннего научного интереса к языкам центрально-азиатских этносов, в частности к киргизскому, предопределив их судьбу, задав

высокую планку дальнейших регулярных лингвистических исследований в советский период.

Литература

1. Уваров С.С. Речь президента императорской Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного Педагогического института. 22 марта 1818 г. СПб., 1818.
2. Ковалевский О. О знакомстве европейцев с Азией. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Казанского университета, в 8-й день августа 1837 г. Осипом Ковалевским / О. Ковалевский. Казань, 1837.
3. Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская / сост. М. Терентьев. СПб., 1875.
4. Стремоухов Н. Туркестан и его жизнь / Н. Стремоухов // Восточное обозрение. 1882. № 19. 5 августа. С. 5.
5. Снесарев А.Е. 25-летие офицерских курсов восточных языков / А.Е. Снесарев // Голос Правды. 1908. 20 ноября. № 950.
6. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97. Л. 6.
7. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97. Л. 14–14, об.
8. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97. Л. 14, об.
9. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 116. Л. 1.
10. ЛО ИВ АН СССР. Ф. 115. (А.Е. Снесарев). Оп. 1. Д. 188. Л. 1–3.
11. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 237. Л. 107.
12. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97. Л. 35–40.
13. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2530. Л. 5–5, об.
14. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2530. Л. 9–11.
15. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1662. Л. 76–78.
16. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1662. Л. 1–4.